

ПИСЬМА М. ГОРЬКОГО К Е. П. ПЕШКОВОЙ¹

В готовящемся полном шестидесятитомном собрании сочинений М. Горького 18 томов будут заполнены перепиской с современниками. Сколько сил и драгоценного времени взято у творчества! И как часты в этих письмах жалобы на чрезмерную занятость: «передо мной лежит гора газет и 63 письма! 63!», «... всё прекрасно, кроме погоды и людей, которые пишут письма», «И ты пишешь мне письма, и ты! Какой ужас. Скоро во вселенной не останется ни одного человека, который бы не писал писем. ... Какой ужасный ужас! Ты советуешь мне: живи! не буду. Не хочу. Довольно», — всерьез и шутливо возмущается писатель.

Но как много бы было потеряно в нашем представлении о Горьком, если бы не были написаны и сохранены многочисленные серьезные и шутливые, пространные и лаконичные письма тысячам и тысячам людей.

Письма к Е. П. Пешковой особенно ценны. Они написаны близкому человеку, жене, матери детей, другу, с которым его связывали то ясные, то драматичные, но всегда высоко человеческие отношения. Это единственное собрание писем, которое охватывает почти всю жизнь Горького-писателя: от момента работы в «Самарской газете», где он познакомился с молоденьким корректором Екатериной Павловной Волжиной, до года окончательного возвращения на родину. Впереди — радостная встреча с обновленной Россией и, может быть, самое большое горе за всю жизнь — смерть сына...

Е. П. Пешкова пережила писателя почти на три десятилетия. Эти годы были отданы большой общественной работе и горьковедению. В предисловии к IX тому Архива А. М. Горького сказано: «Прекрасная память Екатерины Павловны, ее богатый архив, а главное, ее щедрая готовность помочь всем, кто изучает жизнь и творчество А. М. Горького, вообще приносили исключительную пользу нашей науке. Даже пере-

¹ Архив А. М. Горького, т. V, М., 1955, т. IX, М., 1966.

шагнув через 80-летие, Е. П. Пешкова продолжала быть неизменным участником Горьковских чтений, сессий, конференций не только в Москве, но и в Казани, Горьком, Тбилиси, Куйбышеве, Мануйловке. Ее консультацией (и добавим — ее ценнейшими мемориальными дарами) пользовались музеи А. М. Горького в Москве, Горьком, Казани, Куйбышеве и других городах. К ней обращались с вопросами десятки исследователей творчества А. М. Горького — советских и зарубежных. Особенно драгоценной была ее повседневная помощь Архиву А. М. Горького»².

Е. П. Пешкова бережно сохранила письма мужа, сама подготовила их к печати, проделав огромную работу по составлению комментария к событиям долгой жизни, доверив читателю самое сокровенное.

Чтение писем не похоже на обычное. Сначала это несколько пассивное, кропотливое составление мозаики. Но постепенно начинают оживать люди, настроения, интонация, события, и рука уже сама охотно тянется к набранным мелким шрифтом комментариям, не замечая, что они «в конце» тома.

Необычайно волнует сиюминутность событий, запечатленных в письмах. Одно дело знать, что в день «кровавого воскресения» рабочих вел поп Гапон. И совсем другое, когда Горький в письме сообщает, что этот знакомый нам с детства почти мифический поп «остался жив, лежит у меня и спит... Его будущее — у него в будущем несколько дней жизни, ибо его ищут, — рисуется мне страшно интересным и значительным, — он поворотит рабочих на настоящую дорогу»³ — Горький еще не знает, что Гапон провокатор.

Всем известно, что круг чтения Горького был очень широк и своеобразен. Но читаешь просьбу писателя прислать ему «по почте Тацита, Уэвеля, Момсена и I том Каррьера», завернутыми в «весеннее пальто», и мертвое значение сменяется живым представлением. Не менее известно и то, что в дореволюционной России была высокая детская смертность. Но какой конкретной и трагичной становится статистика, когда читаешь письма о смерти дочери Горького шестилетней Кати, о том, что пятилетний сын Луначарского «умирал шесть дней», что смерть грозит детям Шалапина.

Только по письмам можно представить по-настоящему стремительный темп горьковской жизни, его непоседливость, его способность не

² Архив А. М. Горького, т. IX, М., 1966, стр. 15—16.

³ Там же, т. V, стр. 147.

отрываться от стихии живой жизни, быть в центре интересных событий времени, сталкиваться с самыми неожиданными фигурами, вроде иеромонаха Илиодора, которого подозревали в причастности к покушению на Распутина. Почему-то именно у Горького на квартире этот иеромонах останавливался и читал писателю секретные документы.

Переписку, наряду с главной «сюжетной линией», пересекают десятки других, увлекая судьбами известных или скромных современников Горького: Шаляпина со всей сложной гаммой отношения к нему Горького («Сидим, говорим, открыв все шлюзы, как всегда, хорошо понимаем друг друга»), Пятницкого, которого Горький долго ожидает на Капри, «как Пенелопа Одиссея», человека редкой порядочности и деловитости, поразившего Горького тем, что в преклонные годы не смог устоять против соблазнов «пустяковой жизни». Где-то на заднем плане проходит судьба Зиновия Пешкова, человека скромного и «сурово правдивого», ведущего жизнь, полную приключений в самых экзотических местах земли. Мелькают живые фигуры Л. Андреева, Куприна, Бунина, Амфитеатрова, Ф. Сологуба. Факты, известные по другим источникам, интересно сплетаются с содержанием писем, дополняя или радуя узнаванием знакомого.

Письма, расположенные в строгом хронологическом порядке, демонстрируют всю многогранность и многоступенчатость пройденного писателем пути.

Молодой Горький, уже известный автор «Макара Чудры», «Челкаша», «Песни о Соколе», задавлен до отчаяния газетной поденщиной и упорно бьется над тем, чтобы скопить необходимую «тысячу» расплатиться с долгами и уйти из газеты, которая грозит «съесть». В стиле писем этого периода много горечи, сомнений, недовольства собой и в то же время сознания своих сил и своей правды, желания отстоять свой талант. Узнается стиль авторского повествования некоторых ранних произведений: «Горемыки Павла», «Биографии», «Изложения фактов и дум, от взаимодействия которых отсохли лучшие куски моего сердца». «Я весь пропитан ядом и горечью». «Если бы ты никогда не поняла всей горечи человеческого существования», — пишет он невесте. И лишь иногда проявляется юмор сквозь «черную слезу гнева» у человека, которому отчаянно и все мешают заниматься творчеством, как например, в шутилой драматической сценке «Тьфу», где узнаешь стиль «Ярмарки в Голтве».

Просторнее становится в письмах следующего периода, раздвигаются рамки жизни писателя, приходит признание, врывается политика,

происходит сближение с самыми дорогими современниками — Чеховым и Толстым. Письма отражают нарастание революционной волны 900-х годов, пребывание Горького в Метехской и Нижегородской тюрьмах, в Петропавловской крепости. Поток современной жизни льется через душу и ум художника, ставшего самым ярким знаменем времени. Меняется тон писем, они полны ощущения своей значительности, силы, радости борьбы. В сообщении о первой постановке пьесы «Дачники» Горький как художник — зримо и озвученно — восстанавливает забытое современникам событие и себя, стоящего у освещенной рампы, готового на «любое безумие», если «шикнул». Так позже будет выходить на сцену В. Маяковский.

Запечатлены крупным планом революция 1905 года со всей взволнованностью интонаций очевидца и участника, поездка в Америку, и Европу, пребывание на Капри и то, как мучительно и близко к сердцу принимал Горький, «демократ по крови», годы «реакции духа», как тяжело ненавидел густую атмосферу цивилизованного варварства, пропитывавшего жизнь европейского и русского общества накануне империалистической войны. В новом контексте воспринимаются уже известные отклики на смерть Чехова, на «бегство» Толстого, «инцидент» Шалапина, впечатления о V съезде РСДРП в Лондоне, увлечение Луначарским и «богостроительство», тяжелое настроение при возвращении на родину, когда так ясно осознавалась необходимость борьбы, работы, дельных людей, а Горький вращается в среде стонущих, бездействующих интеллигентов.

Шуршат страницы, летят месяцы, годы трудной и полной жизни. Дополнительным светом озарены в этих письмах-признаниях, письмах-дневниках дни февральской революции, ироническое отношение Горького к своему участию в комиссии по расследованию деятельности бывших царских министров, заседавшей в Зимнем дворце, чувство несвободы при «новом строе», относительно которого Горький весело и определенно сообщает жене: «иллюзий не имею».

Очень ценны письма 1917—1920-х гг., содержащие разъяснение горьковской позиции в первые годы Советской власти, передающие всю глубину его переживаний по поводу якобы несвоевременности социалистического переворота, его бережную сдержанность в отношении к сыну Максиму, не разделявшему опасений отца и увлеченному строительством новой жизни.

Оба тома содержат немало пояснений к художественным произведениям писателя: к рассказу «Открытие», обычно интригующему чита-

теля неопределенностью поступков главной героини; оказывается, сам автор не знает наверняка, когда героиня «лгала», он относится к ней как к уже отделившемуся от него реалистическому характеру и утверждает лишь одно — «она не любила мужа». Очень ценное пояснение содержится в письме из Америки, касающемся повести «Мать». Обновлять мир идут всегда дети и это необычайно усиливает «мировую трагедию», рассуждение Горького помогает глубже почувствовать этический смысл этого произведения. Еще более значительным является признание писателя в том, что до сих пор он, хотя и считал себя революционером, был реформатором, а революционером становится лишь теперь и что эту разницу надо уяснить, а понятие революции углубить.

Во многих письмах можно обнаружить ценные детали, уточнения, касающиеся создания и других произведений Горького: «Жизни ненужного человека», «Очерков об Америке» и цикла «Мои интервью».

Но может быть самым интересным, оставляющим глубокое впечатление, является автор этих писем как личность.

Как тип человека, как исторически сложившаяся писательская индивидуальность Горький, конечно, очень своеобразен и в то же время он верен эпохе, его породившей. Это особенно ощущаешь, когда мысленно сопоставляешь его с другими великими людьми, воплотившими иные стадии развития общества не только в своем творчестве, но и в том, как прожили свою одну-единственную частную жизнь — Герцен, Чернышевский, Толстой...

Читая их письма, миллионы людей становятся свидетелями этой частной стороны жизни великого человека. Писатель как бы заново держит экзамен перед людьми, которых учил высокому строю мыслей и чувств, он подвергается безжалостному, молчаливому суду в тишине сосредоточенного чтения во всей своей обнаженности и незащищенности. Приоткрываются створки того глубокого «колодца», о котором так проникновенно написала Ольга Берггольц в «Дневных звездах», со всем его «сумраком и светом», но не в «лирическом романе», а в переписке, не предназначавшейся к печати. М. Горький — непрерывно растущий, меняющийся и в то же время цельный, одержимый своей правдой и потому нелегкий, требовательный, порой властно подчиняющий близких тому, чему полностью предан сам, упорно не желающий драмами личной жизни отвлекать себя от творчества и общественной борьбы. Он ненавидел аскетизм, сухость, не отвергал личной жизни, но и никогда не был рабом «индивидуаль-

ных запросов духа», не любил самокопания и этого же требовал от окружающих.

Даже в том случае, когда эти тома писем берет в свои руки грамотный обыватель, выискивающий интимности, несоответствия и просчеты, даже и в этом случае письма такого писателя как Горький вступают в молчаливый поединок с мещанской узколобостью и дешевым скептицизмом. Нельзя не почувствовать масштабы этой жизни, глубину духа, суровую честность и беспредельную гуманность Горького, проявившуюся в отношениях с Шаяпиным, Л. Андреевым, К. Пятницким и др.

Может быть не место здесь, в этом мире бесконечного уважения к Е. П. Пешковой, говорить о другой замечательной женщине, вошедшей в жизнь Горького. Но было бы ханжеством не видеть того, что ее образ время от времени проступает в письмах к Е. П. Пешковой и что в эти нелегкие годы личной жизни (смерть маленькой дочери, вынужденная разлука с сыном, чувство вины перед матерью своих детей) и в эти годы Горький всеми силами своей души стремится остаться человечным в развязывании узла, не раз стягивавшегося вокруг великих и невеликих людей.

«А бояться за меня не нужно,— пишет Горький в 1904 г. Здоровье мое не плохо, со всем, с чем нужно бороться, я буду бороться, это вне сомнений. Думать о моем «счастье»—преждевременно. Никакого счастья я не ищу, это я тоже говорил, и о несчастье—не думай, тоже не стоит»⁴.

Когда же новая любовь оказалась сильнее, он открыто пошел ей навстречу. Но и здесь остался верен себе в способности видеть в женщине человека, друга, которого не должна подавить, сломить личная драма: «Ну не грусти, друг мой,— пишет он Е. П. Пешковой,— нужно расти, все выше и выше, назло смерти, горю, несчастью»⁵. Предательства не было. Всем своим отношением к ней, непрерывной заботой о детях, постоянной перепиской, в которой Горький делился с Е. П. Пешковой всем, чем живет в большом мире идей, творчества, дел, мудрым нежеланием писать о том, что пока неразрешимо, он сохранил с этим человеком высоко человеческие и благородные отношения. Видя, как мужественно, с каким достоинством она справляется с бедой, как растет в ней тот ценный человек для общества, которого

⁴ Архив А. М. Горького, т. IX, стр. 91.

⁵ Там же, т. V, стр. 100.

в ней провидел еще в молодости, как поднимается она на высоту, недоступную мещанке, как раскрывается красота ее личности, Горький радостно признается: «Не входя в подробности, скажу тебе вот что: молодец ты! У меня растет хорошее крепкое чувство уважения к тебе и слово «друг», не пустое слово, когда я тебя называю им»⁶.

И в более поздние годы, когда Е. П. Пешкова по настоянию Горького приезжает из России, охваченной реакцией, с сыном Максимом в Италию, эта дружба продолжает расти, несмотря на то, что «узел» все еще не развязан. В архиве Екатерины Павловны уже после ее смерти было найдено еще одно письмо, относящееся к 1907 году. По предположению работников Архива оно не было включено в IX том из скромности, присущей Е. П. Пешковой:

«Дорогой мой, милый друг —

после твоего письма — много хочется сказать тебе, но — писать этого не буду. Одно скажу: с глубоким чувством уважения целую твою руку. И, вероятно, первый раз за всю жизнь я испытываю такое радостное, родственное и чистое чувство. Улыбаюсь всей душой: мне кажется — я первый, кто удостоился такого отношения от женщины, как твоё ко мне. Поверь, что если я льщу — то себе самому и если ошибаюсь вообще — все равно в частности я имел нечто редкое, драгоценное, может быть единственное.

Все это бестолково? Лучше не умею сказать, ибо это ново для меня. Пойми одно: имею к тебе великое и незыблемое чувство уважения, знаю, что ты для меня — такой близкий, близкий, родной человек. Из тех людей, которым не надо говорить слова, они понимают и молчание.

Спасибо, милая Катя, спасибо, родная!

Вот и всё

А.»⁷

Проходят годы, многое меняется в этой перенасыщенной событиями и творчеством жизни.

Самые светлые и радостные письма, почти все написанные в шутиливой, иронической манере относятся к середине 20-х, началу 30-х годов, когда Горький вместе с сыном и внуками опять живет в Италии, а Е. П. Пешкова — в России, иногда бросая свои неотложные общественные дела, чтобы приехать сюда и повидаться с близкими.

Отношение Горького к сыну всегда было неизменным — это, вероятно, самый дорогой для него человек на земле. Вся его недолгая жизнь отразилась в этих письмах: его рождение, глазки, показавшиеся даже

⁶ Архив А. М. Горького, т. V, стр. 130.

⁷ Там же, т. IX, стр. 284.

Чехову «необыкновенными», его одаренность, увлечение марками, коллекциями бабочек, Марком Твенем, неустанная забота отца, посылавшего книги Максиму в любое место, где бы он ни жил с матерью, опасение, как бы не вышел из него «писательский сын» — «печальная разновидность лишнего человека», обсуждение в письмах того, как лучше дать ему образование, и грустное признание Е. П. Пешковой, что не может успокоиться, помня, как мальчик, не в силах сдержать слез при расставании, просил у отца за это прощения.

Долго можно смотреть на фотографию, где вся семья сидит на крыльце в Шатильоне: Горький, в сапогах с его не меняющейся простонародной внешностью, как всегда милое лицо Екатерины Павловны и мальчик, который растет «за границей»...

Позже мы видим Максима взрослым, собеседником и оппонентом отца в трудный период сомнений, дипкурьером в Италии, талантливым и несколько разбросанным художником, счастливо женившимся, живущим вместе с Горьким, в чью жизнь столько радости внесло рождение внуков с вызывающе неинтеллигентными именами — Марфа и Дарья! (одна, по характеристике деда, «кокетка, каких свет не видывал», другая — «комик — буфф, комик для себя, но тоже — штучка!»)

Последнее письмо к Пешковой, написанное накануне окончательного возвращения в СССР, пронизано тревогой о сыне, которого преследует роковая болезненность («...ты знаешь, чего я боюсь» — пишет Горький жене). Впереди новая встреча с обновленной Россией, радость работы над самым крупным романом и может быть самое большое горе за всю жизнь — смерть Максима в 1934 году...

644 письма М. Горького к Е. П. Пешковой — это новый круг постижения его творчества, биографии, личности. Но это и узнавание той замечательной женщины, которой они адресованы. Нельзя не отдать должного этому человеку, который после утраты детей и мужа все свои силы продолжал отдавать людям и памяти М. Горького. Ей мы обязаны ценнейшим собранием писем великого писателя.